

Лілія Дёміна

**ОСОБЕННОСТИ
МУЗЫКАЛЬНОГО
И ПОЭТИЧЕСКОГО КОДОВ
ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ
БЕЛОРУСОВ-САМОХОДОВ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
ЗАУРАЛЬЯ**

Lilija Dyomina

**FEATURES OF MUSICAL
AND POETIC CODES
OF THE TRADITIONAL WEDDING
OF BELARUSIANS-MIGRANTS
IN THE WEST SIBERIAN TRANS-
URALS**

Автор статьи отмечает, что изучение фольклорных традиций белорусов-переселенцев ('самоходов'), компактно проживающих на территории Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области) предполагает их сравнение с исходными системами, бытующими в Беларуси. На основе исследований свадебного фольклорно-этнографического комплекса сибирских белорусов можно выделить определенные типологические и региональные признаки. Два перехода свадебного обряда (инициационный и территориальный) сибирских белорусов воплощаются посредством символических языков – кодов (в том числе поэтическим и музыкальным), семантика которых отвечает ключевым функциям ритуала.

The author of the article explores the folklore traditions of Belarus migrants ('samohody') living compactly in the West Siberian Trans-Urals (south of the Tyumen region of Russia). The author compares these traditions with the original systems that exist in Belarus. On the basis of studies of the wedding folklore-ethnographic complex of Siberian Belarusian it is possible to distinguish certain typological and regional signs. Two transitions of the wedding rite (initiation and territorial) of Siberian Belarusians are embodied by means of symbolic languages – codes (including poetry and musical), the semantics of which meet the key functions of the ritual.

Исследование традиционной свадьбы сибирских белорусов, бытующей на территории Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области), выявляет в ней общую основу, но с наличием индивидуальных или специфических черт, обусловленных различием мест бытования ритуала. Исследования фольклорных материалов, собранных от носителей традиционной культуры в местах компактного проживания переселенцев-белорусов ('самоходы', 'лапотня'), переселившихся во второй половине XIX века на территорию Западно-Сибирского Зауралья, показывают сохранение традиционных элементов свадебного обряда, в основном из восточных («белорусских») – Витебской, Гомельской, Могилевской), а также западных («литовских») – Гродненской, Брестской) губерний Северо-Западного края бывшей Российской империи. На территории Викуловского района (д. Жигули, Еловка, Ермаки, Осиновка); Аромашевского района (д. Новоберезовка), Завдоуковского района (д. Покровка), Ишимского района (д. Десятово), Нижне-Тавлинского района (д. Тюнёво) Тюменской области свадебное действо называется у информаторов едиными терминами «вяселье», «вяселля».

В свадебном обряде белоусов-сибиряков доминирует линия *территориального* перехода невесты, и активный контакт двух противоположных родов (стороны невесты и стороны жениха) [4]. К *акциональному* коду свадебного обряда можно отнести обрядовые действия, параллельно замеченные в локусе невесты и локусе жениха: символические действия невесты во время сватовства; игры во время свадебных вечеров; вывоз «снаряда» невесты к жениху, украшение венка для невесты; изготовление караваев отдельно в доме жениха и в доме невесты; символические акции во время движения свадебного поезда в дом невесты; «обменные» операции между представителями двух родов; благословение брачующихся родителями невесты; увоз приданого в дом жениха; символические действия в доме жениха после венца; игровые действия ряженых; переходы молодых «по родне».

В *инициационной* линии свадебного ритуала важное место принадлежит таким символическим действиям, как расплетание косы, «витье» елки, символизирующей девичество, мытье в бане, посещение невестой могил умерших родителей, приобщение новобрачной к группе молодых женщин – «повиванье», вождение молодых «на подклет»; сопровождение свадебного поезда. Во время перечисленных действий большую роль исполняют свадебные прощальные и песни, комментирующие обрядовые действия, сольных одноголосных причитаний. Кроме того, песням-комментариям, а иногда и сольным «*глагошениям*» свойственна строгая закрепленность за определенными эпизодами свадебного обряда. Из воспоминаний А. Мармухамедовой (1912 г. р., ур. д. Свято Минской обл.): «*Как сватают, идут песни пають. Идут на заручаны и пають нявесте. А как идут дамой, всякие пають тоже песни*» (Заводоуковский р-н); «*Глаголили, причитали, кагда с падругами мильми расставалась*», «*Заглаголит-то она в голас*» (З. Олькова, 1912 г. р., Викуловский р-н, д. Ермаки).

Анализируя функциональные группы свадебных песен, бытующие у белорусов-сибиряков, можно заметить, что у каждой группы бытуют местные названия. Так, прощальные песни, звучащие в эпизодах инициационной линии свадебного ритуала, называют «жалобными», «девическими», «свадебными». «*Сирате косу расплетают и жалобные пають песни*»; «*Падружки сабуралісь, наяржэлі нявесту, гатовілі ёй і пелі пращальныя дэвічы*». «*Ёлку гатовяць, снаряжэаць, на стол ставяць і свадебную дэвічыю пають*» (Аромашевский р-н).

Ведущим поэтическим мотивом довенечного песенного цикла, маркирующего фазу отчуждения в инициационной линии ритуала, является мотив *чистоты, непорочности невесты*, которая именуется «земляничкой недоспелой», «маковой нерасцветённой». В прощальных песнях с невестой соотносятся образы кукушки («ззули»), ласточки, павы, вылетающей из родного гнезда: «*Кукавала зазулька в садочку, прикланивши галовку к листочку*» [3, № 20]. Наиболее многогранно названный мотив раскрывается в образе *девы красоты*, присутствующей в песенных текстах и рассказах исполнителей, относящихся к периоду свадебного девичника: «*Расстаюсь с тобой, косонька, расстаюсь-то я с девьей красотой*», «*Отлетала девья красота за горы, горы высокие*». С девьей красотой связан образ *зелёной ёлочки*: «*Наша ёлочка зиму и летечка зялёна, наша Танечка всю няделечку вясёла*» [3, № 19].

Берёза в свадебном обрядовом фольклоре выступает символом спокойной, счастливой семейной жизни. Образ «*бярэзы*» со сломанной или притоптанной верхушкой остается символом расставания невесты с косой, девичеством, родным домом: «*А девачка са двара съезжала*» [3, № 18]. Иногда в песнях сибирских белорусов упоминается *явор*.

Ветру в народных представлениях приписывается способность, как к разрушительному, так и к благотворному воздействию на жизнь человека. Вызывая ветер либо тучу, невеста просит их завьюжить, замести дорогу «чуж-чужанину». Аналогичную роль играет образ коня («*Молодая услышала, как в сыром бору конь заржав, молодые сваточки песни поют*»). В славянской мифологии образ ветра связан одновременно и с культом плодородия и загробным миром, смертью.

В линии территориального перехода невесты ключевыми элементами разных кодов остаются *преграды*, устраиваемые свадебному поезду и «*глуховозам*»; символические *выкупы косы, места*, совершаемые стороной жениха; изготовление «*короваев*» и «*каралек*» у невесты и жениха, разные обменные действия между представителями двух родов; контакты и породнение семей с оформлением, в основном свадебными песнями – *величальными, корильными, поезжанскими, песнями-комментариями*.

В контексте *породнения* семей (территориальный переход) все свадебные чины изображаются идеализированно. Так, жених в величальных песнях именуется «соколом», заключающим в себе гордость и победоносную силу. В корильных песнях изображения свахи, тысяцкого, дружки связаны со стихией продуцирующего смеха. Например, сваха жениха может уподобляться «корове», у тысяцкого – «*галава-то капшлом, а рожа-то пряслицею*», у дружки «*касые глаза*», «щечки впадинкаю». Иногда корильные песни содержат в тексте ругательные слова, брань, сквернословие.

Линия территориального перехода невесты и контактов двух родов озвучивается величальными и корильными, песнями-комментариями и «поезжанскими». Величальные песни называют «хвалебными», а корильные – «ругательными» и «дразнилками». «*Хвалить парня-то*» (Викуловский р-н). «*У нашего свата галова касмата, дров не палена, вина па калено. Он галовой падтрясёт, нам па рюмке паднясёт*» (Сладковский р-н). Корильные песни исполнители называют «дразнилками». «*Пели дружкам. Они паходять к стаду, а им: «Не стой, Пятро, за плечамі, не дупай ачамі»; «Девшнічки брэсцуть, всё падряд пают*» (Сладковский р-н). Песни, комментирующие обрядовые ситуации, закреплены за определенными эпизодами ритуала и описывают все происходящие события. «*Ходаки ходють сватать и паюць «У варот трава расла», «Ты заря, моя заря*» (Сладковский р-н). Величальные, корильные песни исполнялись как стороной невесты, так и стороной жениха [3, № 32–37].

Вполне приложим к обряду белорусских переселенцев на западносибирской территории вывод исследователя Зинаиды Можейко «один напев может обобщить поэтические тексты всего обрядового цикла, кульминационные моменты обряда либо отдельные его элементы» [2, с. 16], где одна политекстовая мелодия, как правило, озвучивает оба перехода невесты [3, № 39–41].

Таким образом, свадьбе сибирских белорусов свойственно параллельное развертывание действия в разных частях ритуального пространства, исполнение обрядовых фольклорных текстов представителями обоих локусов – стороной невесты и стороной жениха. Из особенностей музыкального кода можно отметить «полифоничность», доминирование свадебных песен и второстепенное значение или даже полное отсутствие причитаний «голошений», маркирование свадебными песнями главным образом территориального перехода невесты и эпизодов контактов двух семей. Отсутствие стиливого разграничения между песнями территориального и инициационного переходов, где свадебные песни принадлежат к единому классу цезурированных ритмических форм. Для ряда типовых напевов характерно объединение с поэтическими текстами разных функциональных групп песен и, как следствие, отсутствие строгой закреплённости за определенными эпизодами ритуала.

Список литературы:

1. Ефименкова, Б. Свадебные песни и причитания как один из кодов ритуала / Б. Ефименкова // Фольклор : проблемы сохранения, изучения и пропаганды : Тезисы научно-практической конференции : В 2-х ч. – М.: ГИИ, 1988. – Ч.1. – С. 152–157.
2. Можейко, З. Песни Белорусского Полесья / З. Можейко. – М. : Советский композитор, 1983. – Вып. 1. – 183 с.
3. Традиционный фольклор Тюменской области : репертуарный сборник / авт.-сост. Л. Дёмина. – Тюмень : Титул, 2013. – 164 с.

Sergei Gretskey

REMEMBERING
MY MENTOR

Сяргей Грэцкі

УСПАМІНЫ ПРА МАЙГО
НАСТАЎНІКА

In this article, Sergei Gretskey, the lecturer of The Foreign Policy Academy at Georgetown University and The Department of Politics at the Catholic University of America (Washington), writes about the influence of the Belarusian philosopher E. Darashevich on his fate and worldview.

У дадзеным артыкуле Сяргей Грэцкі, супрацоўнік Акадэміі знешняй палітыкі Джорджтаўнскага ўніверсітэта, а таксама выкладчык кафедры палітыкі Каталіцкага ўніверсітэта Амерыкі (Вашынгтон) распавядае пра ўплыў беларускага філосафа Э. Дарашэвіча на свой лёс і светапогляд.

I first met Engels Konstantinovich Darashevich in the mid-1970s when I attended the School of a Young Philosopher at the Academy of Sciences of Belarus where he was one of the principal lecturers. That turned out to be the beginning of our life-long relationship. Engels Konstantinovich became my mentor, friend, intellectual sparring partner and, one may say, a second father figure to me. What draw me to him from the very beginning was not only his encyclopedic knowledge and deep appreciation of the Belarusian, Russian and broader Slavic and European philosophy, history and culture. Engels Konstantinovich was always driven by intellectual curiosity and desire to learn new things that were generally peripheral to intellectual life in Belarus at the time.